

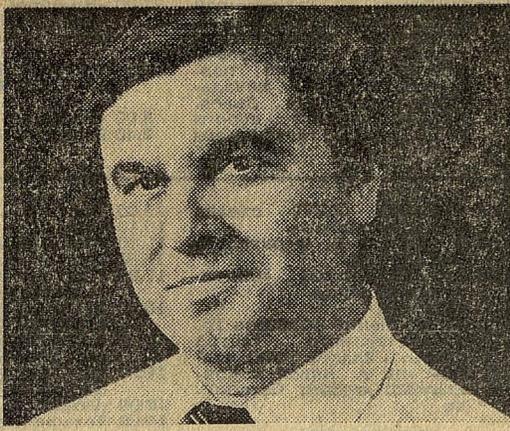
Суббота, 1 августа 1981 г.

В Киеве завершился творческий отчет Днепрпетровского театра оперы и балета. Созданный семь лет назад из людей различных актерских школ и даже участников самодеятельности (таков, например, его великолепный хор), он сумел стать коллективом больших возможностей, с активно формирующимся оригинальным лицом.

Оно и в том, что почти половину его репертуара составляют советские произведения, многие — впервые увидевшие свет рамп, а постановка «Богдана Хмельницкого» К. Данькевича удостоена Государственной премии УССР име-

ни Т. Г. Шевченко. Оно и в ищущей сценографии, и в воспитании уже новой генерации исполнителей, которым может позавидовать и столичный театр.

И хотя еще не всегда удается достичь сквозного действия, выдержан стиль, не хватает ансамблевой сыгранности, требуется углубление музыкально-художественной образности, у молодого коллектива и его руководителей есть силы и энергия, чтобы подняться на эти вершины. Представляем сегодня солиста оперы Николая БРАТКОВА и дирижера Николая ШПАКА.

ЛЕТНИЕ ГАСТРОЛИ

Молодые из молодого театра

ЧУВСТВОВАТЬ ОБРАЗ

Это был князь Игорь. Мужественный и честный воин. Защитник Руси. Нежно любящий супруг. Вокально и сценически убедительный образ. Знаменитая ария Игоря в полдевом плену, поданная исполнителем роли Николаем Братковым, — художественное открытие. Он поразил трепетной душевной наполненностью, выразительными акцентами и нюансами, логикой поведения, великолепием голоса и дикции.

— Николай Григорьевич, судя по огромному вниманию к слову, Вы кончали Московскую консерваторию?

— Совершенно верно. К тому же, знаете, я Игоря «чувствую». Может быть, потому, что Путивль недалеко от моих родных мест — Ореховки Полтавской области.

— А голос — наследственный?

— Наверное. У моих родителей — рабочих сахарного завода — были хорошие голоса. Отец вернулся с войны израненный и умер в 1949 году. Но я еще помню, как он пел, как ставил меня на стульчик и «поражал» соседей своим дискантом — «Видю чудное приволье».

Николай пошел по стопам родителей, учился в ФЗО в Лохвице, участвовал в художественной самодеятельности. Ее смотр в Полтаве, первая Коллина радиозапись: «Я люблю тебя, жизнь» — и рекомендация жюри в Полтавское музыкальное училище. Класс Л. Днепровского, коллеги И. Козловского и А. Свешникова по Полтавской опере. Старый педагог, Л. Днепровский, даже вывел на пенсию, не оставив своего ученика, потерявшего голос после неудачной операции. Лечил и учил. Голос восстановился. «Если падать, то с вершины», — сказал Л. Днепровский, провожая своего питомца на вступительные экзамены в Московскую консерваторию, и дал ему рекомендательное письмо к А. Свешникову.

Конкурс — 400 человек на 10 мест!

— Я к Александру Васильевичу не пошел, — говорит Братков. — Размыслил: если есть дарование, то примут. Если нет — нечего искать покровительства. Надо идти работать. Мать, правда, мечтала видеть меня певцом... Приняли! Я порвал письмо к Свешникову. А очутился в классе его жены — профессора Оксаны Семеновны Свешниковой. Конечно, потом я бывал у них, показывал им полтавскую афишу 1922 года, на которой стоят имена И. Козловского, Л. Днепровского и Александра Васильевича.

В 1972 году закончил консерваторию. Оставляли в Москве. Но из-за «дел сердечных» попросился в Душанбе. Спел там Грязного и свою мальчишескую мечту — Онегина. В 1973-м — по конкурсу принят в создававшуюся Днепрпетровскую оперу.

— Роль, — улыбается Братков, — от «Кушать подано», до всех ведущих баритоновых партий в репертуаре театра. Мне нравятся остросюжетные, конфликтные оперы, с большой гаммой чувств. Любимые партии — Игорь, Грязной, Риголетто, Порги.

— Грязного называют Вашим высшим достижением.

— Если ты чего-то достиг, публика тобой довольна, сам, анализируя, все равно отмечаешь: то не вышло, это надо подругому. Никогда не успокаиваюсь. Самодовольство — твой конец в искусстве. Раньше я думал режиссерской головой, нынешний главный режиссер нашего театра Ю. Чайка требует от нас прежде всего самостоятельного мышления. Без этого нет жизни в образе.

— Вы один из лучших исполнителей в советских операх. Богдан Хмельницкий, в «Пробуждении» Л. Колодуба — Бабушкин, Володя Ульянов в «Братях Ульяновых» Ю. Мейтуса, Ковпак в «Громе из Путивля» В. Ильина. Каково постижение Вами этих ролей?

— Не буду останавливаться на Богдане. Здесь образец — М. Гришко. Но мне дорога похвала автора — К. Данькевича. В роли Володи Ульянова для меня было главным показать перелом, совершающийся в его душе после казни брата Саши, на которого он смотрел восторженными детскими глазами. И — напряженно-интенсивное повзросление, убежденность: «Нет, мы пойдем путем ирибу». Бабушкин у меня — трибун, борец, сеятель ленинских идей в Екатеринославе. Пришлось поднять много материала, в том числе и местного в работе над образом.

Нравится роль Ковпака. Не плакатная, человеческая. Я пытаюсь передать его темпераментную зажатость и мудрость, отзывчивость и отцовскую нежность. Многообразие чувств в этом образе дает возможность раскрыть развернутую арию «Сыны мои». На республиканском смотре спектаклей, посвященных XXVI съезду КПСС, наша постановка оперы «Гром из Путивля» была отмечена дипломом.

«В МУЗЫКЕ НЕТ МЕЛОЧЕЙ»

Зрители балетов «Шелкунчик», «Дон Кихот», «Малыш и Карлсон» не могли не обратить внимания на дирижера. Благодаря ему удивительно раскрылись и засверкали эти произведения, возникла и на сцене стойкая атмосфера добра, тепла, света и праздника.

Николай Шпак из семьи рабочего Херсонского комбайнового завода. Малышки любил пароходы, а он — днепровские заводы и плавни. Сильнейшее впечатление детства — выездной спектакль какого-то театра «Травнота». Музыкальные школы, училище. Здесь впервые увидел дирижирование как таковое, а на выпускном сам дирижировал оркестром.

В Харьковскую консерваторию поступил на отделение народных инструментов. Партитуры для них «глотнул» за год, просиживал в филармонии, театре оперы и балета. После консерватории — работа в Сумском музучилище и дирижирование ученическим симфоническим оркестром. Затем снова консерватория, факультет оперно-симфонического дирижирования.

Учась, работал ассистентом дирижера в студии при консерватории, музыкантом-ударником в театре — выучил оперы. Наконец, дирижер Харьковской оперы, затем филармонии

— хотелось овладеть симфоническим репертуаром. «Принципы симфонизма», — его слог, — дающего диалектику, развитие, должны присутствовать в любом жанре».

С 1978 года по конкурсу — в Днепрпетровском театре оперы и балета. Здесь поручают «всего Чайковского». А в «Легенде о любви», «Дон Кихоте», «Цыганском бароне», «Малыше и Карлсоне» он выступает как дирижер-постановщик.

— Николай Алексеевич, Ваша трактовка показанных в Киеве балетов дает танцовщикам простор для инициативы, психологического наполнения образов, эмоционального подъема. Как это достигается?

— Подходом к музыке и труду. Отбрасывая подход, когда «мажут» одной краской: сильно (громко) — слабо (тихо). Тогда теряется середина — основа всего произведения. В таких тесных, насильственных рамках руководства оркестром музыкантам работать неинтересно.

Искусство дирижера — в идеале — должно обнаруживать широкое мировоззрение, гражданственность, богатство интеллекта, внутреннее изящество, щедрость сердца, силу реального и поэтического видения жизни. В музыке нет мелочей. Все важно. Детали дают ключ к открытию целого, насыщение ими партитуры делает ее яркой, благородной. Достигается такое искусство колоссальной работой над собой и с музыкантами. Известный дирижер А. Пазовский провел 100 репетиций «Кармен», прежде чем выпустить премьеру.

Заранее выверить, сбалансировать — тогда откроется простор и для импровизации. Я хочу знать о своем репертуаре как можно раньше. Мы, полагаю, должны иметь перспективный план на пять лет. Пусть жизнь вносит коррективы. Но в рамках плана сказать в театре каждому дирижеру за два года до исполнения — вы будете ставить такой-то спектакль. Тогда репетиции пойдут содержательно, без спешки, исчезнут промахи в стиле, внутреннем наполнении. Считаю недопустимым выучивать произведения после премьеры, «обкатывая» их на публике. Это обман ее и уничтожение искусства.

— Но секрет успеха зависит и от самого произведения, заложенных в него драматургии, мысли и чувств, и оттого, нравится ли оно дирижеру?

— Дирижер обязан стремиться одинаково прекрасно донести изящество Моцарта, патетическую готику Баха, драматические коллизии Брамса, горделивую энергию и эпос Бетховена, психологизм Чайковского, музыкальную современность со всеми ее поисками.

Бах для меня — идеал прекрасного. Но мне близки Прокофьев, Хачатурян, Шостакович, Свиридов, Шедриц, Леонтович, Лятовский, Станкович, Губаренко, Клебанов. Работая в Харькове, я давал первую интерпретацию экзаменационным сочинениям выпускников композиторского класса. Неделями мы сидели за разбором, советовал и сам учился, находил у них интереснейшие вещи. Радуюсь успехам П. Яровинского, С. Мамонова, В. Чепененко, Б. Семеновенко, М. Мужичила и других.

Те спектакли, которые вел сейчас, — разные. Всеми дирижерами нелюбим «Дон Кихот». Нет глубины содержания, никакой связи с Сервантесом, это — «под Испанию», все фрагментарно. Но есть яркость, живость и страстность чувства. И я стремлюсь ясно и увлеченно передать это ощущение здоровой нормальной жизни простых людей. В «Малыше и Карлсоне» пытаюсь оттенить ту «шкоду», озорство и неустанный поиск деятельности и участия, что так присущи ребенку.

Ну а «Шелкунчик» для меня — затаенное признание сердца. Я разделяю мир его героини Маши, люблю доброту, совестливость, чистоту отношений. В последние годы жизни написал Чайковский эту богатую симфонию о детстве — светлое торжество радости жизни и желания, чтобы человеку было хорошо. Это очень современно!

Н. КОШАРА.